

С. С. Сафронов
ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МАБЛИ

Сообщения и публикации. Французский ежегодник 1971.
М.: Наука. 1973. С.269-281

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Материалы о Мабли и его сочинения:
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mably>

Об исторических взглядах Мабли из советских исследователей писали О. Л. Вайнштейн, М. А. Алпатов и Е. А. Косминский¹.

О. Л. Вайнштейн выяснил точку зрения Мабли на вопрос о происхождении феодальных институтов во Франции. М. А. Алпатов видит главную заслугу Мабли в том, что он указал на раскол французской нации на две непримиримые части — феодальных угнетателей и угнетенный народ. Е. А. Косминский утверждал, что «Мабли ближе всех своих современников подошел к правильному решению проблемы происхождения феодализма». Все указанные историки отмечают влияние Мабли на разработку исторической теории Гизо и Тьерри.

Правильность этих положений не вызывает сомнения². И все же следует сказать, что исторические взгляды Мабли еще не освещены в целом. Исторические сочинения Мабли и в настоящее время привлекают внимание исследователей и находят своих читателей. Представляет интерес в этом отношении издание сочинений Мабли на итальянском языке в двух томах, предпринятое не так давно в Турине³. Первому тому предпосланы вводная статья и список работ о Мабли, в котором отражены и исследования советских историков. Автор статьи Альдо Мафей указывает, что Мабли не забыт и в настоящее время. Все его работы по истории и историко-

* Редакция «Французского ежегодника» публикует посмертно статью С. С. Сафронова, посвященную историческим взглядам Мабли.

С. С. Сафронов, в течение 40 лет занимавшийся педагогической работой, сочетал с ней плодотворную научную деятельность. Главный предмет его исследований составляла история французской общественной и социалистической мысли. Работы С. С. Сафронова известны в нашей стране и за рубежом. Исследование взглядов Мабли было одной из главных тем его трудов.

С. С. Сафроновым были опубликованы следующие работы: «Политические и социальные идеи Мабли» в книге «История социально-политических идей». М., 1955; «Les idées sociales et politiques de Mably». — «Histoire des idées de France». Paris, 1956; «Социальные идеи Буассея». — «Из истории общественных идей». М., 1957; «François Boissel — Jacobiner und Kommunist». — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1961; «Социальные воззрения Пьера Доливье». — «История социалистических идей». М., 1962.
Ред.

¹ О. Л. Вайнштейн. *Историография средних веков*. М.—Л., 1940, стр. 113—114; М. А. Алпатов. *Политические идеи французской буржуазной историографии*. М.—Л., 1949, стр. 32—40; Е. А. Косминский. *Историография средних веков*. М., 1963, стр. 214—222.

² Весьма спорно, однако, утверждение Е. А. Косминского, что в своих политических взглядах Мабли не идет дальше требования ограничить власть короля (Е. А. Косминский. *Указ. соч.*, стр. 216).

³ «Scritti politici di Gabriel Bonnot de Mably». A cura di Aldo Maffey. Volume primo. Unione Tipografico-Editrice, 1961. Издание выходит в серии «Classici Politici». Редактор серии — Luigi Firpo.

графии, политике, морали, праву, общественной мысли представляют и ныне выдающийся интерес.

В первом томе опубликованы «Des droits et des devoirs du citoyen», «Entretiens de Phocion sur le rapport de la morale avec la politique», «De l'étude de l'histoire» (вторая и третья части) и одна неопубликованная статья. Во второй том войдут: «Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques», «De la législation, ou principes des lois» и одно неопубликованное письмо. Как видно из перечня этих работ, в издание включены те произведения Мабли, в которых автор обсуждал вопросы народной революции, эгалитарный и коммунистический проекты общественного устройства, общие вопросы теории исторического процесса, проблемы морали и т. д.

Общественным идеям Мабли посвятил свою работу профессор Лейпцигского университета Вернер Банер⁴, отметивший большой интерес, который они представляют и для современной науки.

Таким образом, исследование богатого идейного наследия Мабли продолжается. Меньше всего изучен еще вопрос об исторической теории Мабли в целом. А между тем, как нам представляется, она отличается большой оригинальностью. Задача настоящей статьи — посылно восполнить этот пробел.

* * *

Мабли написал ряд исторических работ⁵. Первой из них была «Сравнительная история римлян и французов»⁶, отразившая еще не сложившиеся окончательно общественные идеи автора, но обратившая на себя внимание общества. Каждое новое его произведение вызывало в политических кругах оживленные споры⁷.

Первой работой, утвердившей за Мабли репутацию глубокого политического мыслителя и доставившей ему европейскую известность, было его сочинение «Европейское международное право, основанное на договорах от Вестфальского мира 1648 года до наших дней»⁸, в котором он пытался вскрыть истинные мотивы внешней политики европейских государств. Оно было переведено на иностранные языки. В английских университетах эта работа стала основой курса лекций о публичном праве. Гримм называл ее «азбукой современной политики»⁹.

Примечательны две черты этого сочинения. Во-первых, рассматривая внешнюю политику государств как продолжение внутренней политики, Мабли старается объяснить ее особенностями общественного и государственного строя. Он приходит к выводу, что если общественный строй архаичен, а внутренняя политика государства реакционна, то внешняя политика носит захватнический характер. Во-вторых, в этой работе Мабли впервые поднял вопрос об имущественном и политическом неравенстве. «Не нарушают ли святые законы природы в тех государствах, где одни граждане владеют всем, а другие не имеют ничего», — говорит он и делает

⁴ W. Bahner. Der historisch-gesellschaftliche Standort der Ideen Mablys.— «Literaturgeschichte als Geschichtlicher Auftrag. Werner Krauss zum 60. Geburtstag». Berlin, 1961, S. 7—32.

⁵ «Observations sur l'histoire de France», t. I—III; «Observations sur l'histoire de la Grèce»; «Observation sur les Romains»; «Principes de négociation»; «Droit public de l'Europe, fondé sur les traités», t. I—II; «Du gouvernement et des lois de Pologne»; «Observations sur le gouvernement et les lois des Etats-Unis d'Amérique»; «De la manière d'écrire l'histoire»; «De l'étude de l'histoire».

⁶ G. Mably. Parallèle des Romains et des Français, t. I—II. La Haye, 1741.

⁷ См., напр., «Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot depuis 1753 jusqu'en 1790» (далее: Grimm. Correspondance...), t. XIV. Paris, 1829, p. 31—32, 283; Le comte de Ségur. Mémoires ou Souvenirs et anecdotes, t. 3. Paris, 1824.

⁸ Mably. Le droit public de l'Europe, fondé sur les traités depuis la paix de Westphalie, en 1648, jusqu'à nos jours, t. 1, 2. Amsterdam, 1748.

⁹ Grimm. Correspondance..., t. XIV, p. 32.

еще более определенный вывод: «Говорить о наличии свободы там, где один человек заставляет другого служить себе,— это насмешка над здравым смыслом»¹⁰.

В дореволюционное время французские писатели проявляли исключительный интерес к древней истории. Этот интерес обнаружил и Мабли, посвятив ей две работы — «Заметки по истории греков» и «Заметки по истории римлян»¹¹. Автор считал, что общественное устройство у древних греков и римлян отвечало потребностям человека в свободе и равенстве, и даже полагал, что Ликург установил имущественное равенство ради достижения подлинной свободы в республике¹². Мабли сокрушался по поводу того, что, когда в Афинах разгорелась борьба между богатыми и бедными, Солон стал на сторону богатых и своими законами укрепил их власть над бедными. С особой любовью повествует Мабли о борьбе народов за демократическое устройство государств. Ромул, по его мнению, был главарем шайки разбойников, которая подавляла народ, а Тарквиний — гнусным узурпатором. Народ только выполнил свой элементарный долг, прогнав его. Автора восхищает борьба плебеев против патрициев и установление трибуната¹³.

В этих исторических работах Мабли выступал как политический писатель, ищущий в прошлом уроки для современной политики. Прославление античных демократических институтов являлось косвенным образом осуждением европейского абсолютизма. Современники высоко оценивали Мабли как глубокого знатока античной истории¹⁴.

Громадно было влияние этих работ на молодежь. Они отвечали большому увлечению французской молодежи свободой и героизмом древних греков.

Новым шагом по пути раскрытия основ внутренней и внешней политики европейских государств была работа «Принципы дипломатии»¹⁵. Мабли осуждал европейскую дипломатию. Деспотичные правительства европейских государств проводят политику взаимного грабежа. Дворянство, жадное до чужого добра, требует все новых и новых войн. Угнетая своих подданных, монархи разоряют деревни и города в своем государстве, а завоевывая чужие провинции, грабят и их. Войны ложатся всей тяжестью на плечи народа. Двор утопает в роскоши, а народ беднеет, и у бедняков нет никакой надежды на уменьшение налогов¹⁶.

Мабли выдвигает новые принципы дипломатии: никаких тайных договоров, добрососедские отношения, взаимовыгодная торговля, предупреждение конфликтов. Отношения между государствами должны быть подчинены интересам народов¹⁷.

В 1763 г. в Амстердаме вышла анонимно книга Мабли «Беседы Фокиона об отношении морали к политике»¹⁸. В ней раскрывается республиканский идеал Мабли. Он считал, что основой республики должно быть равенство мелких землевладельцев. Автор призывает читателей изучать историю, вскрывать причины событий, памятуя, что «прошлое есть прообраз или, лучше сказать, предсказание будущего» и что «некогда будет

¹⁰ *Mably*. Le droit public de l'Europe.— «Collection complète des oeuvres de l'Abbé de Mably», t. I—XV. Paris, 1794—1795 (далее: Coll. comp.), t. VI, p. 481—482.

¹¹ *Mably*. Observations sur l'histoire de la Grèce. Genève, 1749; *idem*. Observation sur les Romains. Genève, 1751.

¹² *Mably*. Observation sur les Grecs (другое название работы «Observations sur l'histoire de la Grèce».— *Ред.*)— Coll. comp., t. IV, p. 22, 54—62.

¹³ *Mably*. Observation sur les Romains.— Coll. comp., t. IV, p. 259—260, 267, 288.

¹⁴ *Grimm*. Correspondance, t. XIV, p. 31—32.

¹⁵ *Mably*. Principes de négociation. La Haye, 1757.

¹⁶ *Mably*. Principes de négociation.— Coll. comp., t. V, p. 26—27, 45—47, 72, 201—202.

¹⁷ *Ibid.*, p. 19—20, 177, 196, 198, 213.

¹⁸ [*Mably*]. Entretiens de Phocion, sur le rapport de la morale avec la politique. Amsterdam, 1763.

учиться, когда настанет время действовать»¹⁹. Автор довольно ясно намекал читателям на то, что книга его преследует определенные, достаточно смелые практические цели.

Самая крупная историческая работа Мабли — «Заметки по истории Франции»²⁰. При жизни автора были опубликованы два тома, а третий вышел только в 1788 г., в самый канун революции.

История Франции Мабли явилась новым и значительным шагом в развитии исторической науки. Это было исследование в точном смысле слова, обобщение тщательно изученного автором громадного исторического материала, содержавшегося в многочисленных документах, главным образом архивных (капитулярии, хартии, дипломы, законы, договоры и т. д.). Главное достоинство работы состоит в том, что в ней сделана попытка обнаружить закономерность в развитии Франции. По мнению Мабли, основу истории Франции составляет борьба народных масс из-за собственности и политической власти. Эта новая историческая теория, намечавшаяся уже и раньше, впервые полно и ясно была развернута в «Истории Франции». Это придавало «Истории Франции» Мабли откровенно политический характер, какой, впрочем, носили и все другие его работы. Именно это придавало им выдающийся интерес.

Поскольку в XVIII в. во Франции все яснее обнаруживались противоречия между буржуазией и феодальным дворянством, поскольку страна разделялась на два враждебных политических лагеря, в историографии XVIII в. тоже выступали различные политические направления. Начало этому положили историки Буленвилье и Дюбо²¹. Первый утверждал, что Галлия была завоевана франками, которые положили начало французскому дворянству и монархии. Второй выступил с опровержением этой феодальной теории, доказывая, что франки были не завоевателями, а римскими наемниками в Галлии, что французская нация образовалась из многих этнических групп и дворянство не могло, таким образом, иметь франкское происхождение. Следовательно, притязания дворянства на власть и имущество неправомерны.

Какую позицию занял Мабли в этом споре? Он по-новому ставил и решал проблемы, поднятые в работах Буленвилье и Дюбо. Главная его цель состояла в том, чтобы показать бедствия французского народа на протяжении «нескольких веков варварства и нелепостей феодального правительства», когда нация «была неспособна понять свои истинные интересы»²².

Для Мабли неважно, были франки германцами или не были²³. Известно во всяком случае, что они жили долгое время в Германии, где и сложились их нравы и правление. Ссылаясь на Тацита и древние документы, Мабли считал, что правительство у германцев было демократическим. Законодательная власть осуществлялась общим собранием, именованным Мартовское поле. Исполнительной властью являлся совет, состоявший из князя и представителей знати. Аналогичное правительство было и у франков. Мабли полагает, что франки были «суверенно свободными», они не были подданными князя и признавали его власть лишь постольку,

¹⁹ *Mably. Coll. comp.*, t. X, p. 231—233.

²⁰ *Mably. Observations sur l'histoire de France* t. 1—2. Genève, 1765; t. 3, Paris, 1788.

²¹ *H. Boulainvilliers. Histoire de l'ancien gouvernement de la France*, t. 1—3. La Haye et Amsterdam, 1727; *Y. B. Dubos. Histoire critique de l'établissement de la monarchie Française dans les Gaules*. Paris, 1734.

²² *Mably. Observations sur l'histoire de France.— Coll. comp.*, t. I, p. 126—127.

²³ Мабли франков называет французами. Против этого протестует Вольтер: «Il faut dire franc jusqu'en 875», — написал он на первой странице книги Мабли «Observations sur l'histoire de France» (см. эту книгу в библиотеке Вольтера в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность В. С. Люблинскому и Л. С. Гордону, оказавшим мне помощь в ознакомлении с фондами библиотек Вольтера.

поскольку были солдатами²⁴. Земледелие и войны с целью захвата добычи были их постоянным занятием. Под натиском гуннов франки перешли через Рейн и обосновались на его левом берегу²⁵.

В период разложения Римской империи Галлия стала добычей франков. Они захватили земли, дома, рабов, стада и подчинили галлов. Ограниченная демократия франков постепенно уступила место неограниченной власти князя и знати. Привилегии духовенства стали постоянными. Туземная аристократия, присягнувшая на верность франкам, также заняла привилегированное положение. После Хлодвига князья разделили между собой провинции и опустошали их в непрерывных войнах. Установилось господство сенеров, народ был обречен на тиранию и грабеж²⁶. Превращение бенефициев в наследственные владения привело к зарождению французского дворянства, что вызвало упадок королевской власти.

Во всей истории Франции Мабли видит только одну светлую страницу — это правление Карла Великого, «политика которого должна служить уроком тем королям, которые царствуют над народами и в настоящее, более просвещенное время»²⁷.

Мабли считает, что Карл Великий научил французов подчиняться законам, сделал их самих законодателями, заставил знать согласиться на участие народа в Мартовском поле, «которое вновь стало истинной ассамблеей нации»²⁸. Нельзя сказать, что Карл Великий установил совершенные законы. «Люди не меняют своих идей в один день» — поэтому он поступил более благоразумно, дав им такие законы, которые они могли исполнить. «Вот шедевр человеческого разума, когда от теории переходят к практике»²⁹. Мабли изображает Карла Великого верховным чиновником, только исполнявшим законы, принятые народным собранием.

Но в принципе Мабли против сосредоточения исполнительной власти в руках одного человека. Если Карл Великий злоупотреблял своими правами верховного чиновника, то и всякий другой на его месте неизбежно злоупотребит своими правами, говорит Мабли.

После Карла Великого Франция впала в состояние феодальной анархии. В этот период усилился герцогский дом Гуго Капета, узурпировавшего права короля Франции³⁰.

Мабли подробно рассказывает о сеньериальном режиме, о бесчисленных узурпациях сеньеров, захватывавших земли свободных людей. Сеньеры «не понимали ни того, что их права могли быть ограничены, ни того, что их права — воровство, или, по крайней мере, несправедливость...» Власть сеньера распространилась не только на земли и имущество свободных людей, но и на их право жениться³¹.

Самые богатые жители деревень бежали в города, но и там на них накладывал свою лапу сеньер — граф, управляющий провинцией. Между свободными и сервами почти не было различия³².

Мабли называет четыре причины, которые обусловили феодальную раздробленность и слабость королевской власти: 1) порабощение народа сеньерами, их абсолютная власть над подданными; 2) независимость сеньериальной юстиции, которая была близка к своему рода законодательной власти сеньера над своими подданными; 3) право войны; 4) известное

²⁴ Mably. Coll. comp., t. I, p. 133—134.

²⁵ Ibid., p. 136—144.

²⁶ Ibid., p. 157—167.

²⁷ Ibid., p. 221.

²⁸ Ibid., p. 225.

²⁹ Ibid., p. 248.

³⁰ Ibid., p. 289, 299—300.

³¹ Ibid., p. 302.

³² Ibid., p. 303—305.

равновесие сил главных сеньеров, из которых никто не мог провозгласить себя господином всех других и выработать законы для нации³³.

Наряду со светскими сеньерами важную роль, говорит Мабли, играло духовенство, узурпации которого поддерживались римской курией³⁴.

Мабли отмечает появление нового фактора — установление коммун, которые изо дня в день укреплялись, освобождались в долгой борьбе от власти сеньеров.

Сравнивая правительство позднейшей феодальной Франции с правительством Англии, Мабли видит преимущества английского правительства, которые явились результатом того, что пуритане казнили короля-деспота Карла I. В то время как французы терпеливо сносят деспотизм монархии, англичане упорно вели и ведут с нею борьбу. Но и англичане не имеют подлинной свободы. «...Если роскошь, богатство, торговля и алчность возвращают любовь к свободе, если развращенность, продажность унижают души, может ли быть такое чудо, чтобы одни не угнетали других»³⁵.

Мабли клеймит французских королей как деспотов, в политике которых нет никаких признаков здравого смысла. Карл IV, например, боялся своих подданных и рассматривал их как врагов. Мабли порицал даже Генриха IV, прославленного многими французскими историками. Ришелье унижил французскую нацию. Он осуществил то, что советовал Макиавелли тирану — запрячь всю нацию в ярмо. Он подчинил своей власти и парламенты. Видеть в парламентах серьезную силу — заблуждение. Они были бессильны как совершать добро, так и противостоять злу³⁶. Что касается фрондеров, то они преследовали в своей мнимой борьбе с двором цель — как можно дороже продать себя и своих сторонников двору за пенсии и титулы.

За исключением краткого периода царствования Карла Великого, несомненно идеализированного им, Мабли не видит в истории Франции никакой определенной политики, никакого постоянного интереса, никаких постоянных нравов.

Короли, заявляет Мабли, отделяли свои интересы от интересов нации и рассматривали себя не как уполномоченных общества, а как феодальных господ. Уничтожив Генеральные штаты, Карл Мудрый установил произвол в управлении государством. «Легко показать, что восстановление этих штатов, но не такими, какими они были, а такими, какими они должны быть, является единственным средством, способным сообщить нам добродетели. Но появится ли среди нас новый Карл Великий? — Должно желать, но нельзя надеяться»³⁷. Среди королей нет философов. Наследников престола обучают только тому, как быть господами своих подданных и рабами своих министров. Да и что может сделать просвещенный король? Разве он может преодолеть сопротивление тех, кто заинтересован в сохранении существующего положения? Таким образом, Мабли не связывал с монархией надежды на возрождение Франции.

«Прошлое должно подготовить нас к будущему, — говорит Мабли, — поскольку мы видели в истории трех или четырех государей, которые добровольно ограничили свою власть, чтобы укрепить ее и сделать более продолжительной, возможно, что такие случаи повторяются. Но, однако, было бы безрассудно ждать этого с беспечностью. Можно и должно ожидать, что наступит время, когда монархия будет переживать такой кризис,

³³ *Mably. Coll. comp.*, t. II, p. 33—34.

³⁴ *Ibid.*, p. 43.

³⁵ *Ibid.*, p. 284.

³⁶ *Mably. Coll. comp.*, t. III, p. 288—289.

³⁷ *Ibid.*, p. 302.

что правительство будет вынуждено снова прибегнуть к забытой практике Генеральных штатов»³⁸.

В поисках силы, которая могла бы осуществить ликвидацию абсолютизма, Мабли рассматривает различные сословия Франции. Он приходит к выводу, что такой силы нет: ни духовенство, ни дворянство, ни буржуазия не хотят и не могут преобразовать Францию. «На нас,— заканчивает Мабли свою «Историю Франции»,— уже лежит роковой отпечаток деспотизма, не того страшного деспотизма, который упивается кровью и распространяет повсюду оцепенение,— наши утонченные нравы не позволяют этого; но того деспотизма, который порождает повсюду страдания и нищету, который несет с собою упадок духа, разложение, подлость и дух рабства — верные симптомы упадка и предвестники неизбежного крушения, когда на наших границах появится грозный враг»³⁹.

Современники высоко оценивали эту работу. Академик Бризар считал ее лучшей историей Франции, потому что это не история королей, войн, осад и сражений, а история государственного устройства, история публичного права нации, ее законов, нравов, ассамблей, развития власти и борьбы за свободу⁴⁰. Особенно большое значение, утверждал он, имеет открытие республиканского строя у франков. Он же свидетельствовал, что в последние дни своей жизни Мабли говорил: «Эта работа — мое завещание»⁴¹.

В период французской революции 1789—1794 гг. эта работа, как и другие работы Мабли, была очень популярна. Потом она была забыта. Но в период Реставрации она снова стала актуальна. В 1823 г. Гизо издал ее с целым томом своих примечаний и дополнений⁴². Это издание отвечало политическим настроениям французской буржуазии, стремившейся устранить монархию Бурбонов.

Работа Мабли «История Франции» в свое время была выдающимся явлением во французской историографии. Она не только противостояла официальной историографии абсолютизма, вершиной которой были работы Боссюэ, но и была шагом вперед по сравнению с развивавшейся буржуазной историографией, представленной работами Вольтера и других просветителей. Мабли первым среди историков XVIII в. сделал попытку преодолеть рационалистическую схему. Решающий фактор истории он видел в борьбе народа против богатых и привилегированных сословий и их монархического правительства. Это подлинное открытие, явившееся результатом тщательных исторических исследований, привело Мабли к важным политическим выводам революционного характера. Именно поэтому работы Мабли пользовались в XVIII в. большой популярностью, а его самого уже в то время считали одним из идейных отцов революции.

«История Франции» Мабли стала настоящим обвинительным актом против французского абсолютизма. Автор недвусмысленно дал понять своим читателям, что перед народом стоит неотложная задача — смести феодально-абсолютистскую монархию, тиранию дворянства и духовенства и установить республику. Именно этот политический характер работы Мабли и стяжал ей исключительную популярность в годы первой французской революции.

Идеи, заложенные в «Истории Франции», получили свое развитие в других работах Мабли и окончательно оформились в оригинальную теорию борьбы противоположных общественных классов. Так, в своей ра-

³⁸ Ibid., p. 303—304.

³⁹ Ibid., p. 319—320.

⁴⁰ Ibid., t. I, p. 20—26.

⁴¹ Ibid., p. 106.

⁴² Mably. Observations sur l'histoire de France. Nouv. éd. revue par, F.-P. Guizot, vol. 1—4. Paris, 1823.

боте, направленной против школы экономистов, он писал: «Как только возникла земельная собственность, появилось и имущественное неравенство, а из неравенства имуществ не должны ли проистекать различные и противоположные интересы, все пороки богатства, все пороки бедности, грубость чувств, порча гражданских нравов... Откройте историю и вы увидите, что все народы были измучены этим неравенством имуществ. Граждане, гордые своими богатствами, высокомерно отказались признавать равными себе людей, вынужденных работать, чтобы жить; тотчас же вы увидите рождение правительств несправедливых и тиранических, законов пристрастных и гнетущих, одним словом, вы увидите массу бедствий, от которых стонут народы. Вот какую картину представляет собой история всех народов»⁴³. Эту же мысль автор неоднократно высказывал в других работах, например, в трактате «О законодательстве». Общество почти повсюду является лишь соединением угнетателей и угнетенных. «Не будем строить иллюзий: собственность разделяет нас на два класса, на богатых и бедных; первые всегда будут предпочитать свое личное счастье счастью государства, а вторые никогда не будут любить правительство и законы, которые допускают, чтобы они были несчастны»⁴⁴.

Итак, основным противоречием общества Мабли считал противоположность и борьбу между богатыми и бедными. Эта общественная противоположность возникла вместе с появлением частной собственности, т. е. еще в древние времена. Античные государства погибли именно вследствие развития имущественного неравенства и борьбы между имущими и неимущими. Удары завоевателей только ускорили гибель античных монархий. Новый мир, образовавшийся на развалинах античных государств, представлял собой первоначально свободные общества, где люди не знали частной собственности, или, во всяком случае, не знали резкого имущественного неравенства. Но и в этом мире повторилось то же самое: появление и развитие собственности в варварских обществах привело к резким классовым различиям, вместо республик установились монархии, внутри которых классовые противоречия в конце концов достигли крайнего напряжения. Перед обществом стоит альтернатива — или погибнуть под ударами внешних врагов, или совершить революцию, но не обычную, какие были в прошлом, когда сохранялось неравенство, а подлинную революцию, результатом которой явилось бы установление равенства на основе общности имуществ. Такова сущность исторической теории Мабли. Эта теория противоречива. Она несомненно содержит зародыш материалистического понимания истории, однако это понимание носит метафизический характер. Автор не уловил изменения исторических форм собственности и особенностей классовых противоречий каждой общественной формации.

Мабли часто и охотно указывает на то, что человечество пережило много общественных переворотов и революций, он убежден, что общество развивается не только путем эволюции, но и революционным путем.

Мабли сделал замечательные догадки относительно классового характера государства. При существовании частной собственности, писал он, «каждый гражданин как бы разрывается различными интересами — высшим, общественным благом и своей собственной выгодой. Что проистекает из этого противоречия? Гражданин часто теряет из виду общее благо, чтобы заниматься только своим собственным; из этого неизбежно вытекает, что закон, который покровительствует ему в ущерб обществу, кажется ему самым справедливым и мудрым... Именно этот частный интерес, всегда или почти всегда противоречащий общественному интересу,

⁴³ *Mably. Doutes proposés aux philosophes économistes, sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques.*— Coll. comp., t. XI, p. 10—11, 38, 39.

⁴⁴ *Mably. De la législation ou principes des lois.*— Coll. comp., t. IX, p. 90.

непрерывно отклоняет законодательную власть от цели, которую она должна иметь в виду и для которой она устанавливается. Вот истинный источник всех этих законов — грубых, варварских и прочих, которые разорили, разоряют и будут еще разорять землю»⁴⁵. И далее: «Если законодатель отделяет свои интересы от интересов общества, можно быть уверенным, что законодательная власть будет, так сказать, занята только составлением заговоров против общества. Пока она будет только искать способы заинтересовать в своем покровительстве большое число сторонников и защитников, с которыми она делит выгоды, ожидаемые от закона несправедливого и разрушающего порядок, эта власть будет нагло выставлять напоказ свою силу, свою мощь для того, чтобы приводить в ужас и принуждать к тупому молчанию ту часть общества, которую она приносит в жертву своим корыстным интересам»⁴⁶.

Итак, Мабли хорошо видел, что всякое государство, где сохраняется частная собственность, есть организация крупных собственников для подчинения трудящихся, т. е. большинства нации. И никакое разделение властей, никакие законы не могут изменить эксплуататорской природы этого государства. Отсюда и логический вывод, сделанный автором этой теории: «Я вижу ясно, что единственное верное средство помешать законодательной власти уклоняться от правил, которые ей предписаны, — это установить общность имущества и равенство положений, ибо только такое общественное устройство может исключить появление частных интересов, которые всегда торжествуют над интересами общими»⁴⁷.

Так историческая теория Мабли становится обоснованием не только народной революции, но и коммунистического устройства общества. В этом главным образом и состоит ее значение.

* * *

Большой интерес представляют две исторические работы Мабли: «Об изучении истории» и «Как надо писать историю». Здесь он высказал замечательные догадки теоретического характера и указал на важнейшие требования к истории и историку.

Интересна его мысль о причинности и роли обстоятельств в истории. Историк должен вскрывать причины событий, и читатель не должен терять из виду цепь, которая их связывает. Наиболее важны те события, которые ведут к изменению нравов, законов, общественного устройства государства. Историку следует показать процесс борьбы, преодоление препятствий, торжество добродетелей и талантов. Тогда история заставит читателей размышлять, многому научит их⁴⁸. Историк должен учить пониманию капризов судьбы, «которую человек выдающийся иногда исправляет, а человек посредственный — только использует, да и то очень редко»⁴⁹. Мабли обращает внимание историка и на важнейшее значение обстоятельств, их влияние на события, людей.

История должна вскрывать общие причины событий и связь между ними. Современные историки, писал Мабли, могли бы дать поучительную картину жизни своих наций, показать, как Франция, Англия, Испания, Италия, Германия и другие страны развивались от варварских времен. «От революции к революции народы этих стран пришли к нашей учтивости (*politesse*), которую мы прославляем сегодня и которая в сущности есть только другое варварство»⁵⁰.

⁴⁵ *Mably. Coll. comp.*, t. XI, p. 156—157.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 157.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 157—158.

⁴⁸ *Mably. De la manière d'écrire l'histoire.*— *Coll. comp.*, t. XII, p. 481—483.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 485.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 427—428.

Рисуя исторического деятеля, нельзя показывать его в отрыве от века и без всяких недостатков. Характер каждого человека всегда подчинен национальному характеру. Историк должен понять, чем данный исторический персонаж обязан природе, а чем — обстоятельствам. Мабли указывает, что природа выполняет только часть работы, именно обстоятельства и события оказывают решающее влияние на формирование характера⁵¹.

Неоднократно Мабли указывает, что поведение людей определяется не только их волей. История вскрывает связи явлений, их причины и взаимное влияние, она должна «показать влияние обстоятельств на наш ум, наши нравы и наши законы: в капризах судьбы я открыл бы источник капризов нашего поведения»⁵².

Таким образом, Мабли развивал главное положение сенсуалистской философии применительно к исторической науке. Неудивительно, что он не принимал теорию общественного договора, имевшую так много сторонников в лагере просветителей. Он утверждал, что, вступая в общество, никаких соглашений люди не заключали. К объединению их толкали общественные качества и слабость индивидуумов. Стремление к общественному благу — вот что побуждало людей объединиться в общество, полагал Мабли. Создавая общество, человек создавал также условия для развития своего разума⁵³.

Мабли подчеркивал исключительное значение народных выступлений для истории. Римляне свергли Тарквиния, когда тот похитил свободу. А когда высокомерие и корысть патрициев стали угрожать новым работам, трибуны подняли народ и заставили патрициев уважать его права⁵⁴.

В Англии сопротивление феодалов и церкви сломлено именно народом. Ему Англия обязана своим современным строем. Нидерланды завоевали свою свободу в упорной борьбе с Испанией. Везде свобода покупалась ценой ожесточенной борьбы народа против угнетателей — чужих и своих⁵⁵. Никто до Мабли не указывал, что борьба народа является решающим фактором в историческом развитии. Мабли любил писать о революциях, о «самых крупных революциях». Под революцией он понимал не просто изменения, а перевороты в общественной жизни, смены политических режимов, смены государств, т. е. не простое повторение, а качественные изменения, переход к новому состоянию.

Мабли указывал на исключительные трудности, стоящие перед историком, и предъявлял к нему высокие требования. Историк должен прежде всего определить, в каком историческом жанре он будет работать.

Мабли различал следующие исторические жанры: *histoire universelle* — всемирная история, *histoire générale* — история страны в целом, *histoire particulière* — частная история (история периода), *morceaux d'histoire* — биографии исторических деятелей.

Всемирную историю писать трудно. Есть два способа ее изложения. Можно рассматривать отдельно историю каждой нации, как поступал Пuffендорф. Но такая история является лишь собранием частных историй. Можно дать также сводку исторических данных по эпохам, имея в виду прежде всего опыт эпох, знаменитых своими революциями⁵⁶.

Очень трудна и работа над общей историей страны. Нужны многие годы, чтобы разобраться в хаосе событий. А на завершение работы

⁵¹ Mably. De la manière d'écrire l'histoire.— Coll. comp., t. XII, p. 510.

⁵² Ibid., p. 436.

⁵³ Mably. De l'étude de l'histoire.— Coll. comp., t. XII, p. 3.

⁵⁴ Ibid., p. 6.

⁵⁵ Ibid., p. 109—110, 117; p. 385—386.

⁵⁶ Mably. Coll. comp., t. XII, p. 447—448.

«останется лишь немощная старость, почти угасшее воображение, неспособное воспламенить ум, чтобы изобразить с мастерством и энергией события и людей...»⁵⁷. В истории страны надо показать все события от начала до конца. Камень преткновения для историка — неумение вскрыть подлинные причины упадка государства.

В частной истории главное внимание уделяется избранному периоду истории страны. О предшествующем следует говорить только для установления причинности.

Историка, создающему биографические сочинения, надо учиться у Плутарха. Его труды, писал Мабли, учат нас лучше понимать тех людей, с которыми мы живем⁵⁸.

Говоря о важнейших качествах историка, Мабли ссылался на Лукиана, который предъявлял к историка следующие требования:

чтобы он был независим;

чтобы он никого не боялся;

чтобы он ни на что не надеялся;

чтобы он истину предпочитал друзьям;

чтобы он хотел нравиться скорее потомкам, чем своим современникам;

чтобы он никогда не льстил и не раболепствовал;

чтобы он был выше предрассудков правителей, стран, религии⁵⁹.

Задача историков — показать общество «со всеми его страстями: войны внешние и внутренние, партии, фракции, все законы, различные формы правления, сменявшие друг друга... гибель одних государств и возникновение новых на развалинах старых... Вот картина, которую историки должны нарисовать нам — не для того, чтобы удовлетворить наше пустое любопытство, но, чтобы пополнить наш опыт и, надеясь благородным, научить нас избегать несчастий, дать нам компас для успешного плаванья по бурному и безбрежному морю»⁶⁰.

Цель истории — не только просвещать ум, но и направлять сердца к общественному благу, справедливости, породить любовь к родине. Люди, стоящие у власти, черпают в истории необходимые знания, чтобы управлять республикой, другие — познают обязанности гражданина. История должна быть школой, помогающей избежать ошибок в политике. Познание прошлого открывает завесу, которая скрывает будущее.

Стиль изложения должен быть понятным народу и нравиться людям начитанным. Надо избегать преувеличений, избегать похвал недостойным — «панегирический тон унижает историю». Не надо помещать голову родосского колосса на тело карлика, писал однажды Лукиан. О вещах низких не следует писать высоким стилем. Не старайтесь удивить читателя, говорит Мабли, не надо выкладывать всего, что вы знаете, храните кое-что про себя. Прячьте вашу эрудицию, если в ней нет нужды. Умный читатель и без того скоро увидит вашу ученость.

Фукидид, Тит Ливий, Саллюстий и Тацит заставляли читателя размышлять⁶¹. Поскольку человеческая память несовершенна, следует периодически напоминать читателю о рассказанном ранее. Историк должен всегда вскрывать причины событий и связь между ними⁶². В историческом событии нужно выделить один или два основных вопроса, которые определяют развитие событий. Тогда без труда вывится ясный порядок, которого следует придерживаться в изложении. Историк должен всегда иметь в виду эти главные вопросы, не терять из виду цель, которая связывает все события. Эта цель будет Ариадниной нитью, кото-

⁵⁷ Ibid., p. 435.

⁵⁸ Ibid., p. 487—488.

⁵⁹ Ibid., p. 537—538.

⁶⁰ Ibid., p. 381.

⁶¹ Ibid., p. 496.

⁶² Ibid., p. 498.

рая помешает отклониться в сторону. Иначе историк будет похож на тех администраторов, которые, не понимая, кто они такие и каковы их задачи, хотят все делать сразу и ничего не успевают. Главное должно быть всегда в центре внимания⁶³.

Хотя хронология, т. е. расположение событий во времени, важна, однако историк не всегда должен ее придерживаться. Если он затронул важный факт и вызвал любопытство читателя, нужно довести объяснение до конца.

Искусство перехода — самое трудное для историка. Надо продумать значение всех частей изложения и место, которое они должны занять. Повествование должно быть стремительным, а стиль сжатым⁶⁴. Историк может вложить в уста исторического лица речи, которые сам он не мог бы сказать, ибо шокировал бы читателя. Такие речи позволяют изменять тон повествования, делать его то возвышенным, то умеренным. Пусть говорит сообразно своему характеру и своему времени — это правило поэтов и историков. Но в любом случае стиль изложения должен соответствовать материалу.

Чтобы учить, надо нравиться и привлекать, — это знали еще Тацит и Гроций. Мабли признавал и влияние вкуса читателей на сюжет и характер исторических работ. Ведь среди историков, говорил он, подвизались также Корнелий Непот и Светоний. Первый из них может нравиться только детям: стремясь быть кратким, он стал бесплодным, убивая существенное. У второго же вообще нет никаких идей. Пока в мире не переведутся невежды, болтуны и праздно любопытные, не переведутся и плохие историки. Глупые читатели всегда будут порождать глупых авторов, замечает Мабли⁶⁵.

* * *

Подведем итоги.

Мабли оставил существенный след в развитии исторических представлений. Самым значительным его вкладом в историографию является разработка мысли о борьбе между богатыми и бедными, признание непримиримости противоречий в обществе, где существует частная собственность. Вторым важным направлением мысли Мабли было его положение о влиянии обстоятельств, общих условий существования общества на деятельность и воззрения отдельных исторических персонажей. Третьим существенным вкладом Мабли были его догадки о том, что исторические события вызываются определенными причинами, независимыми от воли людей, что именно эти причины определяют развитие событий, что все исторические события связаны между собой, а кажущиеся случайными в действительности вызываются этими неявными причинами, которые еще только надлежит открыть. Четвертая важная заслуга Мабли — утверждение, что народные движения, восстания и революции являются решающим условием развития человеческого общества.

Эти идеи Мабли, представлявшие собой попытку выработать теоретические основы исторической науки, несомненно, развивались под влиянием того направления французской философии XVIII в., которое вело свое происхождение от Кондильяка. Мабли и сам указывал, что принципы философии его брата (Кондильяк был родным братом Мабли) оказали влияние на его воззрения.

Примечательно, что исторические исследования Мабли привели его к важнейшему политическому и социальному выводу о неизбежности демократической революции.

⁶³ *Mably. Coll. comp.*, t. XII, p. 521—524.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 532—533.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 491, 493, 498.